

На правах рукописи

ВЕРХОТУРОВА ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВНА

**ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ПРИРОДА
МЕТАКАТЕГОРИИ «НАБЛЮДАТЕЛЬ»**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Иркутск - 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Архипов Игорь Константинович

доктор филологических наук, профессор
Даниленко Валерий Петрович

доктор филологических наук, профессор
Ирисханова Ольга Камалудиновна

Ведущая организация: Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина

Защита состоится 23 сентября 2009 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.071.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Иркутском государственном лингвистическом университете по адресу: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, ауд. 31.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Иркутского государственного лингвистического университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Казыдуб Н. Н.

Реферируемая диссертация посвящена изучению лингвофилософских основ центральной фигуры феномена восприятия – метакатегории «наблюдатель», комплексный анализ которой осуществляется одновременно с решением ряда проблем когнитивных исследований в лингвистике, касающихся такой универсальной категории, как «картина мира».

Современный этап в развитии лингвистических исследований характеризуется общей тенденцией в эволюции науки, наметившейся в начале XX века и оформившейся в его второй половине. Эта тенденция заключается в сдвиге акцента от поисков «объективного» знания о мире и его объектах в сторону обязательного включения субъекта познания – наблюдателя – в исследуемые объекты, системы и картину мира в целом (В. Гейзенберг, Дж. Кальоти, В. В. Лазарев, К. Р. Поппер, И. Пригожин, А. Ю. Севальников, Я. И. Свирский, М. Томпсон, Дж. Уиллер, G. Fauconnier, S. Imoto, U. Maturana, J. R. Searle, F. G. Varela,). Неклассический этап развития как естественных, так и гуманитарных, антропоцентрических наук постулировал невозможность строгого и жесткого разделения субъекта и объекта – наблюдателя и наблюдаемого, являвшегося принципиальным классическим критерием научности. Эта невозможность мотивировала обращение к понятию «наблюдатель» в попытках объяснить не только сущность процессов познания, но и природу бытия – онтологию.

Актуальность исследования состоит, прежде всего, в том, что оно соответствует сдвигу акцента в лингвистических исследованиях от структурно-системных отношений к той роли, которую язык как определенный вид деятельности играет в познании человеком мира, и к тому, какую роль сам человек играет в языке. «Перцептивность» наивной картины мира – ориентация на Наблюдателя – пронизывает все слои и явления языка, всю его структуру. Обращение к Наблюдателю, ситуации наблюдения, в которой он «живет», к Наблюдаемому¹, с которым он вступает в особые перцептивно-когнитивные отношения, и которое позволяет пролить свет на различные аспекты Наблюдателя, оказывается необходимой и плодотворной стратегией анализа в семантических исследованиях (лексики, грамматики, дискурса). Вместе с тем, понятийно-терминологический аппарат когнитивных исследований, опирающихся на метапонятие наблюдателя, нуждается в формировании и определении. Актуальным является новая содержательная интерпретация категории «наблюдатель», учитывающая современные представления о процессах восприятия и позволяющая ввести понятие «наблюдаемое», пополняющее представление о наблюдателе и способствующее адекватному объяснению языковых феноменов. Актуальность темы обусловлена также разнообразием осмысления фигуры наблюдателя не только в общенаучном дискурсе, но и в самой теории языка и необходимостью в систематизации и интерпретации этих различий.

Исследование взаимодействия обыденной и научной картин мира, к созданию которых наблюдатель имеет самое непосредственное отношение, входит в круг актуальных проблем, детерминированных современным развитием науки. Поэтому

¹ Слова Наблюдатель и Наблюдаемое, начинающиеся с прописной буквы, употребляются, когда речь идет о метаязыковом статусе этих категорий в языкознании.

настоящее исследование отражает общую тенденцию, наметившуюся в науке конца второго тысячелетия. Эта тенденция заключается в необходимости комплексных, интегративных исследований антропоцентрической направленности: адекватная трактовка рассматриваемого феномена наблюдателя не может быть осуществлена без привлечения данных смежных наук, в частности, философии, психологии, биологии познания и, конечно же, современных концепций философии и теории языка. Фактор наблюдателя как таковой выполняет в научном дискурсе функцию интегрирующего элемента для множества теорий различной дисциплинарной направленности.

Объектом исследования является метапонятие языка когнитивно-семантических исследований – «наблюдатель». Это понятие относится к ряду универсальных аналитических инструментов, с помощью которых описывается и объясняется широкий круг проблем, имеющих значение не только для когнитивной лингвистики, но и для философии языка, теории познания, а также методологии (философии) науки в целом.

Предметом исследования является понятийная вариативность категории «наблюдатель», характерная для ее различных концептуальных и дисциплинарных осмыслений в лингвистическом и общенаучном дискурсах, а также различия в статусе представления этой мирозозидающей категории на уровне научной картины мира, обыденной картины мира и наивной картины мира. Отчетливо выраженная смысловая динамика, сопровождающая использование категории «наблюдатель», является естественным отражением динамичности концептуальных сетей [Гольдберг 2008], выражающей адаптивную изменчивость опытных структур знания [Ирисханова 2007].

Исходя из идеи языкового мировидения В. Гумбольдта, принципа языковой относительности Э. Сэпира и Б. Л. Уорфа и биокогнитивной теории языка [Maturana 1970, 1978, 1987; Varela 1992; Zlatev 2003], в диссертации выдвигается **гипотеза** о том, что фигура наблюдателя возникает в процессе рекурсивного каузального взаимодействия с наблюдаемым миром (фрагментом мира), включающем в себя как обязательное условие оперирования в языке. Наблюдатель, таким образом, с точки зрения своего онтологического и эпистемологического статуса, является перцептивно-когнитивным языковым субъектом, находящимся в неразрывной связи с наблюдаемым. Методологический статус Наблюдателя в лингвистике позволяет отнести эту категорию к универсальным концептуальным компонентам, обнаруживаемым в лексической, грамматической, текстовой семантике как на имплицитном, синтаксически невыразимом уровне, так и на уровне реальных актантов, сигнализируемых лексико-синтаксическими средствами высказывания и текста.

В контексте отечественных языковедческих исследований категория «наблюдатель» появилась в 60 – 70-е годы после того, как она заняла прочные позиции в ряде дисциплин естественнонаучного комплекса, особенно в такой фундаментальной науке, как физика. В теории языка это понятие привлекает заслуженное, не ослабевающее со временем внимание. Множество работ, в которых, так или иначе, используется это аналитическое понятие, можно отнести – в терминах самой общей систематизации – к Московской школе (Ю. Д. Апресян, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева и др.) и Петербургской школе (А. В. Бондарко и др.).

Описать и объяснить явление наблюдателя невозможно, оставаясь в рамках теории языка, поэтому интегративность для настоящего исследования является обязательным принципом. Междисциплинарная интеграция позволяет решить три задачи: воспользоваться релевантными данными указанных выше наук, послужить разработке новой научной методологии, основанной на принципах холизма и синтетизма [Томпсон 2003], предоставить лингвистическую технику, которая, как считает Б. Рассел, является весьма полезной при анализе любых научных понятий [Рассел 2001].

Поскольку объектом исследования является метатеоретическая лингвистическая категория, а также различные концептуальные системы и интерпретации этой категории, то уместно было бы определить наш подход как **метатеоретический**, позволяющий, с точки зрения лингвистов, изучающих место метатеорий в системе наук о языке [Вышкин 1999], систематизировать лингвистические знания, объединить конкретно-научные методологии, общенаучные знания и данные философии науки. Такой подход предполагает также возможность преодоления ограничений отдельных лингвистических подходов при признании их дополнительности [Там же: 299], что является существенным требованием современного этапа развития науки вообще [Лавриненко 2003].

Различие и разнообразие научных контекстов, в которых имя *наблюдатель/observer* употребляется без определения, указывает на то, что к понятию «наблюдатель» принято относиться как к разряду «интуитивно очевидных» [Шатуновский 1996]. «Интуитивная очевидность» мотивирована двумя основными естественными причинами. С одной стороны, «интуитивно очевидные» универсальные категории типа «наблюдатель» обычно не являются терминами в силу своей универсальности, а значит, не могут иметь конкретных и/или специфических эксплицитных формальных определений. С другой стороны, формирование концептуального кластера, составляющего когнитивное основание таких «интуитивно очевидных» научных категорий, в значительной мере обусловлено влиянием обыденно-наивного представления, которое выражается в обыденной и наивной картинах мира. Регулярная интерференция научных и обыденных смыслов, характерная для употребления категории «наблюдатель», является закономерным отражением того факта, что в формировании этого понятия вовлечены три аспекта существования категории «наблюдатель» – онтологический, эпистемологический и методологический. Соответственно, ее комплексный и поэтапный анализ должен опираться на дифференциацию статусов наблюдателя.

Во-первых, онтологический статус наблюдателя как субъекта априорного, «доязыкового» восприятия проявляется как содержание обыденного сознания языковой личности, т.е. в виде объективированной в языке – в эксплицитной лексической семантике – совокупности знаний/верований/представлений о наблюдателе. Материалом изучения в таком случае является концептуализация этой категории в обыденной картине мира русского и английского языков.

Во-вторых, онтологический статус наблюдателя как языковой личности выявляется на фоне «совокупности коммуникативно-значимых характеристик» [Карасик 2004: 360], определяющих, прежде всего, «речеповеденческие действия» [Арутюнова 1999: 646] людей, заключающиеся в ориентирующем взаимодействии участников

коммуникации [Матурана 1996]. Параметрами для определения этих характеристик являются как данные, полученные при изучении коммуникативного поведения в дискурсе, так и данные собственно языкового материала (лексикона, грамматики, идиоматики).

В-третьих, эпистемологический статус наблюдателя как субъекта познания, обусловленный центральным положением этой категории в теории (теориях) познания и психологии, вызывает необходимость изучения научно-понятийного содержания этой категории, извлекаемого из данных соответствующих наук. Особую и отдельную значимость этой категории придает контекст философии науки, в частности, в той ее части, которая призвана дать объяснение особенностям научного познания и наблюдателю как субъекту научного наблюдения и познания.

В-четвертых, методологический статус Наблюдателя определяется его функционированием в качестве метапонятия теории языка. Такой Наблюдатель существует в «незримой» семантике [Правикова 1999] в качестве «кварков», «квантов», концептов, категорий-гиперонимов, понятийных категорий-универсалий, т.е. в самом глубинном, имплицитном слое семантики – в наивной картине мира конкретного языка. Наблюдатель уровня наивной картины мира существует как интуитивный компонент языкового (под)сознания и выделяется, выводится к научному осознанию лингвистами в качестве понятия и/или термина метаязыка (языка второго порядка) (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. В. Болдырев, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, А. В. Кравченко, Н. С. Кубрякова, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева, Е. С. Яковлева, Е. В. Урысон, Ch. Fillmore, R. W. Langacker, J. R. Searle, A. Wierzbicka и многие другие).

Цель исследования состоит в том, чтобы осуществить всесторонний анализ различных способов концептуализации категории «наблюдатель» как методологического инструмента в лингвистических концепциях, в философии языка, в философии науки и в общенаучном дискурсе. В рамках этой общей задачи уточняется понятийный и терминологический аппарат описания перцептивно-когнитивного аспекта семантической системы русского и английского языков.

В соответствии с намеченной общетеоретической целью в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) уточнение степени объективности/субъективности языковой научной картины мира;
- 2) определение отношения языковой научной картины мира к обыденной и наивной картинам мира;
- 3) установление различия между (узкоспециальными) терминами и общенаучными философскими категориями – метакатегориями универсального статуса – и определение характера универсальных метакатегорий на примере категории «наблюдатель»;
- 4) рассмотрение и описание способов концептуализации наблюдателя в текстах научного дискурса – философии (науки), когнитивной психологии, философии языка, в особенности био-когнитивного направления;
- 5) рассмотрение и описание способов концептуализации Наблюдателя в языкознании;

6) определение расширенного статуса метакатегории «наблюдатель» как перцептивно-когнитивной категории, выходящей за пределы редукционистской интерпретации в терминах так называемого собственно восприятия;

7) конструирование теоретической когнитивной модели ситуации наблюдения, определение статуса ее компонентов, их связи и взаимозависимости;

8) введение и определение понятия «наблюдаемое», соотносимого с понятием «картина мира», позволяющего уточнить представление о наблюдателе и расширить его аналитический потенциал;

9) разработка типологии наблюдателей (онтологической, эпистемологической, терминологической), способствующей:

- уточнению взаимной каузальной зависимости наблюдателя и наблюдаемого, выводимой из моделирования когнитивно-перцептивной категории «наблюдение»;
- представлению иерархии эпистемических типов наблюдателей, соотносимых с различными уровнями восприятия, для которых характерны либо биологическая объективность, либо культурно-языковая субъективность восприятия, познания и формирования картины мира;
- стандартизации терминологии когнитивно-прагматического анализа;

10) исследование имеющихся и предоставление новых эмпирических данных анализа русского и английского языков с использованием метакатегории «наблюдатель» в различном осмыслении.

Методологическая база исследования. Система принципов общенаучного, теоретического характера, положенная в основу данного исследования, обусловлена, с одной стороны, его междисциплинарным и метатеоретическим характером и, с другой стороны, холистическим подходом [Томпсон 2003] как к общетеоретическим построениям, так и непосредственному объекту исследования. При этом определенная доля редукционизма – рассмотрения составляющих сложной сущности – также включается в анализ эмпирического материала. Холистический принцип рассмотрения языка в целом, равно как и конкретных языковых феноменов, означает синтез данных различных наук, обеспечивающий целостное рассмотрение языка как когнитивного, биологического феномена, а его пользователя – как *наблюдателя* в биокогнитивной интерпретации этого термина [Maturana 1978; Zlatev 2003]. Таким образом, базовыми общетеоретическими принципами, используемыми при рассмотрении исследуемых феноменов, являются *холизм*, *синтетизм* и биокогнитивная теория познания и языка – *теория автопоэза* [Varela 1974]. Исследование опирается также на **основные логические методы** вывода и умозаключения – индуктивно-эмпирический и дедуктивно-гипотетический, находящиеся в отношении взаимного дополнения.

Система используемых **частнонаучных методов языкознания** включает в себя метод наблюдения над объективными языковыми данными и метод самонаблюдения в его двух познавательных вариантах [Фрумкина 1999], сливающихся с таким источником данных о языке, как интуиция [Шатуновский 1996]. Понятие «объективные языковые данные» в нашем случае охватывает контекстные употребления категории «наблюдатель» в научном и обыденном дискурсах. **Процедуры и методики анализа конкретного языкового материала** можно охарактеризовать

как концептуальное моделирование, или реконструирование, языковой картины мира [Архипов 2007; Болдырев 2007; Демьянков 2005, 2007; Ирисханова 2007; Кубрякова 2007], представляющее собой способы концептуально-семантического анализа различного направления – когнитивно-дискурсивного, логико-философского и объективно-семантического, соотносимого с фрагментами компонентного анализа, дефиниционного анализа, анализа сочетаемостных характеристик языковых форм и пр.

Материал исследования определяется спецификой настоящей работы, а именно, ее метатеоретическим и интегративным направлением. Для определения статуса категории «наблюдатель» в научной картине мира была проанализирована некоторая совокупность фрагментов текстового поля научной картины мира, включающих понятие «наблюдатель» или имеющих к нему непосредственное отношение. К таковым относятся тексты научных работ по фундаментальной физике, теории неравновесных (диссипативных) систем, антропологии, когнитивной психологии, аналитической философии, эпистемологии, философии науки, философии языка. Для определения статуса Наблюдателя в обыденной картине мира исследовался лексикографический материал русского и английского языков, представленный в словарных дефинициях и иллюстративном материале. Наблюдатель как концепт наивной картины мира реконструировался при рассмотрении семантизации этого концепта лексическими, грамматическими и текстовыми средствами русского и английского языков. В качестве источников текстов использовались произведения русской и англоязычной прозы, а также языковой материал, анализируемый в лингвистической литературе, посвященной исследуемым проблемам.

Апробация основных положений и результатов исследования. Основные результаты исследования представлены в публикациях общим объемом 38,9 п.л., включая монографию, раздел в коллективной монографии, учебное пособие, статьи и тезисы докладов. Основные научные результаты диссертации изложены в семи статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях. Отдельные положения и результаты исследования освещались в материалах международной научной конференции «Язык в эпоху знаковой культуры» (Иркутск, 1996), Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Иркутского государственного лингвистического университета (Иркутск, 1998), V международной научно-практической конференции (Иркутск, 2000), международной научной конференции «Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация» (Иркутск, 2000), научно-методического семинара (Новосибирск, 2004), V международной конференции «Филология и культура» (Тамбов, 2005), международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 2006), III международной научно-практической конференции «Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее» (Иркутск, 2009), на II Сибирском лингвистическом семинаре руководителей научных проектов и школ «Методология лингвистических исследований в России» (Новосибирск, 2006). Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета (2006, 2007, 2008 гг.), на заседаниях научно-методологического семинара в Иркутском государственном лин-

гвистическом университете, на семинарах Иркутского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК) (2005, 2006, 2007, 2008 гг.).

Основные положения диссертации представлены в публикациях общим объемом 38,9 п.л., включая монографию, раздел в коллективной монографии, учебное пособие, статьи и тезисы докладов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Научная картина мира в интериоризованном, объективированном виде подвержена влиянию формирующего ее языка. Принцип языковой относительности обуславливает организацию научных описаний, поэтому «объективность» научной картины мира в современном научном дискурсе должна интерпретироваться как относительный параметр.

2. В лексической системе языка науки помимо терминологических подсистем выделяется подсистема универсальных метакатегорий. Их наличие относится к ряду объективных факторов, обуславливающих непрерывное взаимодействие научной картины мира и обыденной картины мира.

3. Метакатегории суть универсальные естественные и научные категории, приобретающие особую значимость в научном дискурсе. Не являясь терминами в строгом смысле этого понятия, метакатегории не имеют четких, эксплицитных, формальных определений, подвергаются контаминации «следами» обыденно-наивного смысла и требуют лингвистических техник анализа связанных с ними понятий.

4. Метакатегория «наблюдатель» многопланова и обуславливает необходимость отдельного рассмотрения каждого из ее статусных аспектов, которому должны соответствовать своя аксиоматика и методология изучения этой категории.

5. Метакатегория «наблюдатель» существует как понятие научного дискурса в различных смысловых ипостасях, как многозначная словная единица обыденного (ненаучного) дискурса в системах русского и английского языков, как компонент (концепт) имплицитной семантики, реконструируемый из недр наивной картины мира.

6. Формирование понятия «наблюдатель» как научно значимого концепта подвергается воздействию обыденной семантизации и концептуализации; это влияние определяет необходимость обращения к данным анализа обыденной и наивной картин мира. Наблюдатель уровня наивной картины мира, самого глубинного, имплицитного слоя семантики – это системообразующий концепт, существующий на интуитивно-языковом уровне; он выводится к научному осознанию лингвистами в качестве понятия и/или термина метаязыка (языка второго порядка).

7. Когнитивное моделирование ситуации наблюдения обеспечивается обращением к данным о релевантных философских, психологических и лингвистических аспектах восприятия. Полученная в результате такого комплексного, интегративного подхода модель ситуации наблюдения описывает наблюдение как обязательную двухкомпонентную ситуацию, включающую наряду с наблюдателем феномен «наблюдаемое».

8. Наблюдатель и наблюдаемое являются диалектически двойственными феноменами и находятся в постоянном рекурсивном перцептивно-когнитивном взаимодействии. Анализ релевантной для лингвистической интерпретации многозначно-

сти понятий «наблюдатель» и «наблюдаемое» позволяет создать типологии этих категорий, которые уточняют их определение и взаимосвязь и расширяют аналитический потенциал этих понятий как инструментов лингвистического анализа.

9. Иерархическая типология Наблюдателя, учитывающая онтологический и эпистемологический статусы этой категории, указывает на неразрывную связь понятий «наблюдатель» и «картина мира» и уточняет представление о формировании языковой картины мира различного статуса.

10. Расширение аналитического потенциала лингвистической метакатегории Наблюдатель до включения ее в ряд семантических актантов, имеющих выход в синтаксическую поверхность высказывания/текста, значительно расширяет возможности ее применения при анализе предикатной лексики, в частности, глагольной семантики.

11. Перцептивная природа паралингвистических и прагматических аспектов коммуникации указывает на существенные различия в концептуализации Наблюдателя как участника и/или свидетеля коммуникативной деятельности. Высказывания с предикатами, выражающими речеповеденческие акты, объективируют «места» и ипостаси Наблюдателя в рамках коммуникативно-прагматической ситуации. Наблюдатель в дискурсе выступает как субъект восприятия и интерпретации Наблюдаемого, имеющего различные временные и аксиологические характеристики.

12. Множество коммуникативных предикатов с перцептивным компонентом в русском и английском языках включает в себя наряду с собственно иллокутивными целые группы глаголов, которые не отмечены в системе как речевые, даже метафорически, и становятся таковыми по воле повествователя. В контексте коммуникативной ситуации (дискурса) к таковым относятся глагольные предикаты, выражающие эмоциональные/физиологические состояния и их внешние стимулы, глаголы семиотических действий, глаголы движения.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

- Впервые осуществляется комплексное, интегративное исследование особой подсистемы языка науки, состоящей из метакатегорий.
- Исследуемая метакатегория – наблюдатель (в общенаучном статусе), *наблюдатель* (в статусе лексикализованной категории обыденного и научного языка) и Наблюдатель (в статусе концептуально-семантического элемента языковой системы) – впервые становится объектом отдельного, самостоятельного анализа как в рамках научного, так и обыденного дискурса. Несмотря на интенсивное (и экстенсивное) использование этого понятия во множестве лингвистических исследований, статус наблюдателя в языке науки ранее был инструментальным.
- Определяются и исследуются различные статусы метакатегории наблюдатель – онтологический, эпистемологический, метатеоретический.
- Предлагается и обосновывается уточненная интерпретация феномена наблюдателя как перцептивно-когнитивного субъекта, основанная на новых научных фактах о природе перцептивных процессов, протекающих в сознании и подсознании наблюдателя, о месте восприятия в общих когнитивных процессах.
- Впервые объясняется причина различного осмысления Наблюдателя в лингвистических концепциях и приписывания ему дополнительного значения интерпрета-

тора и/или субъекта оценки. Это объяснение учитывает реальность наблюдателя как перцептивно-когнитивной *языковой личности*. Такая реальность не может быть сведена к узко перцептивным значимостям, но включает в себя неустранимые когнитивно-рефлексивные и/или когнитивно-аффективные параметры взаимодействия наблюдателя и наблюдаемого.

- Рассматривается когнитивная модель наблюдения и вводится понятие «наблюдаемое», отражающее неразрывную связь феномена наблюдателя и наблюдаемой реальности.
- Устанавливаются теоретически значимые закономерности когнитивного взаимодействия наблюдателя как языковой личности с действительностью и способы отражения этого взаимодействия в картинах мира русского и английского языков.
- Осуществляется иерархическая классификация типов наблюдателя в его отношении к картине мира.
- Разрабатывается типология наблюдаемого в его отношении к наблюдателю.
- Обосновывается возможность использования метапонятия «наблюдатель» в терминах реальных актантов при анализе множества групп предикатов, имеющих отношение к концепту наблюдателя.
- Впервые проводится когнитивный анализ фрагментов семантической системы русского и английского языков с применением метапонятия «наблюдатель» в новой интерпретации.

Теоретическая значимость работы определяется введением в научный обиход лингвистики ряда новых эпистемологических аналитических понятий, уточняющих представление о выражении перцептивно-когнитивных процессов в картинах мира русского и английского языков. В работе обосновывается теоретическая когнитивная модель наблюдения, исходя из которой уточняется смысловой объем понятия «наблюдатель» и родственных ему понятий-терминов «наблюдение», «наблюдаемость» и «наблюдаемое». Такое уточнение позволяет дать адекватное определение номинативным единицам метатеоретических, терминологических систем. Оно также позволяет установить информационное содержание терминов-понятий, своевременно зафиксировать тенденции понятийного, терминологического генезиса, выражающегося в изменении содержательной емкости терминов, появлении новых терминологических единиц, модификации значения уже имеющих. В результате проведенного исследования вносится вклад в решение таких важных для языкознания и философии языка проблем, как формирование языковой картины мира и участие в этом процессе наблюдателя.

Практическая ценность работы заключается в обновлении и уточнении возможных интерпретаций выражения перцептивно-когнитивных процессов в языковой форме. Предлагаемое оригинальное определение и осмысление такой значимой в лингвистическом дискурсе категории, как «наблюдатель», может использоваться при разработке учебников и учебных пособий, посвященных широкому спектру проблем языкознания – по теоретической грамматике, лексикологии, лингвокультурологии, концептуальному моделированию и семантическому анализу языковой картины мира, выражаемой в обыденном и научном дискурсах, и др. Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть использованы в теории и практике

перевода, в лексикографической практике; они могут найти отражение в вузовских лингвистических курсах и спецкурсах.

Объем и структура диссертации. Диссертация объемом 366 страниц состоит из введения, двух основных частей (семи глав), заключения, списка использованной литературы и списка источников примеров русского и английского языков.

Во *введении* обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются предмет и объект исследования, выдвигается гипотеза, формулируются цель и задачи исследования, основные положения, выносимые на защиту, приводятся методологическая база исследования и данные об апробации полученных результатов, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации.

Первая часть работы «Наблюдатель в общенаучной картине мира» состоит из двух глав. В первой главе – «Феномен наблюдателя как метакатегории» – анализируется статус наблюдателя в научной картине мира. Этот анализ начинается с рассмотрения языкового аспекта категории «картина мира» и лингвистических параметров научной картины мира. Формирование научной картины мира обусловлено рядом факторов, сближающих ее с обыденными представлениями носителей соответствующего языка. К таковым относятся метакатегории – универсальные категории, реализующие «стыковку» научной и обыденной картин мира. Рассматривается процесс становления «наблюдателя» как одной из значимых метакатегорий языка современной науки. Во второй главе – «От субъекта восприятия к наблюдателю» – объясняется тенденция замены понятия «субъект восприятия» понятием «наблюдатель» и приводятся причины, ведущие к внедрению метакатегории «наблюдатель» в общенаучный дискурс. Для этой цели дается развернутый анализ понятий «восприятие» и «субъект», основанный на привлечении комплексных данных философии, психологии и лингвистических исследований.

Вторая часть работы «Наблюдатель в лингвистической картине мира» состоит из пяти глав. В третьей главе – «Метакатегория «наблюдатель» в иерархии родственных концептов» – предлагается лингвистический анализ категории «наблюдатель» с учетом той совокупности концептов и понятий, которая имеет к этой категории самое непосредственное отношение. Моделируется когнитивная ситуация наблюдения, в которой определяется онтологический и эпистемологический статус наблюдателя, а также вводится сопряженная с ним категория «наблюдаемое». В четвертой главе – «Эпистемический и аналитический потенциал метакатегории “наблюдатель” в теории языка» – метатеоретическое лингвистическое понятие «наблюдатель» описывается в контексте восходящих к нему понятий и терминов. Предлагается иерархическая типология Наблюдателя в его отношении к категории «картина мира»; уточняется и дифференцируется введенное в третьей главе понятие «наблюдаемое». Пятая глава – «Статус Наблюдателя в лексической семантике» – посвящена методологическому статусу Наблюдателя в его отношении к лексической семантике. Наряду с традиционным пониманием Наблюдателя как фиктивного актанта обсуждается расширенная аналитическая трактовка Наблюдателя в качестве реального семантического актанта. Глава содержит фрагменты анализа эмпирического материала русского и английского языков, демонстрируя оригинальный подход к этому метапонятию. Шестая глава – «Статус Наблюдателя в грамматической семантике» – посвящена грамматическим механизмам категоризации этой фигуры. На-

блюдатель выделяется в семантике морфологических (суффиксальных), морфосинтаксических и синтаксических форм построения и интерпретации языкового значения. В седьмой главе – «Статус Наблюдателя в дискурсе» – речь идет о Наблюдателе в его отношении к когнитивно-дискурсивной деятельности. Метаязык коммуникативной прагматики указывает на необходимость учета перцептивно-коммуникативного опыта участников и/или свидетелей дискурса. Этот опыт охватывается понятием Наблюдателя. Анализ открытого множества коммуникативных предикатов самой различной семантики в русском и английском языках вскрывает универсальную значимость перцептивно-интерпретативных параметров в дискурсивной деятельности и необходимость отражения этих параметров при описании коммуникативных актов.

В *заключении* обобщаются основные результаты проведенного исследования и намечаются его дальнейшие перспективы.

Содержание работы

К понятию «наблюдатель» обращаются в различных науках как естественного, так и гуманитарного цикла. Эта востребованность отражает процессы «перестройки» общенаучной модели мира, характерные для современной постнеклассической науки. В научный обиход входит понятие неоднозначности, характеризующее, в частности, восприятие – обыденное, научное, культурное, художественное [Бахтин 1986, 2003; Кальоти 1998; Пригожин 1986; Свирский 2004; Эко 2004]. Главной фигурой при этом становится **человек-наблюдатель**, а не научный, логический субъект восприятия. Мир уже не предстает объективным и независимым от воспринимающего, наблюдающего человека [Gardner 1985], поэтому особую значимость приобретает категория «наблюдатель» в ее отношении к категории «картина мира». Даже с позиции *sensus communis* очевидно, что картина мира формируется наблюдателем как в самом обобщенном, «объективном» смысле этих категорий, так и на уровне бесконечного числа субъективных картин мир, создаваемых каждым индивидом [Постовалова 1988]. Современные взгляды на генезис картины мира как триединства сущего, восприятия (познания) этого сущего и языка в его мирозидательной функции были предвосхищены еще создателем деятельностно-энергетической концепции языка В. Гумбольдтом. По этой причине понятие «наблюдатель» рассматривается в диалектическом единстве с категорией «картина мира» в ее различных ипостасях. В этом каузальном взаимодействии наблюдатель то выступает в функции создателя картины мира и ее фрагментов, то сам реконструируется как фрагмент (концепт) наивной картины мира.

Понятие «картина мира» становится обязательной частью эпистемических систем психологии, культурологии, теории познания, философии языка и других дисциплин, включая, конечно, и теорию языка. Противоположная сторона экзистенциальной двойственности картины мира как субъективно-объективного феномена выражается в ее существовании в качестве объективированного, материализованного образования. В объективированном виде картина мира предстает как общая, глобальная картина мира, только если считать таковую **языковым, культурным средством** и/или контекстом взаимопонимания общающихся индивидов и групп [Казыдуб 2006; Постовалова 1988]. Существование этой языковой картины мира обеспечивается двумя взаимообусловленными факторами: феноменом интересубъективно-

сти (способности разделять ментальные и эмоциональные состояния) и обладанием языком (конвенциональной символической системой) [Zlatev 2003]. По сути дела, выражение *картина мира* есть метафорическое и метонимическое переосмысление понятия знания, полученного в результате индивидуального и социального опыта, и способов его представления.

В языковой форме опытное знание представлено на двух уровнях: собственно языковое знание и текстовое знание [Касевич 1990]. Собственно языковое знание – «наиболее глубинный слой картины мира» – соотносится с наивной картиной мира в ее феноменологическом статусе, или, иными словами, с глубинным слоем семантической системы языка. Языковое знание уровня наивной картины мира для носителя языка является знанием интуитивно-автоматическим; оно содержится в семантической системе конкретных языков и реконструируется исследователями в виде **мета-модели**. В процессе реконструкции применяются «особые процедуры метаобъективации (метамоделирования)», такое метамоделирование «производит метаисследователь, “вычитывая” картину мира по ее следам в текстах» [Апресян 1995а; Постолова 1988: 24]. Поэтому в диссертации указывается на необходимость дифференцированного подхода к обыденному знанию, доступному обыденному сознанию, и наивному имплицитному «знанию» языковой семантической системы.

Вопрос о существовании такой формы окружающего человека мира как объективная или «реальная картина мира» (см., напр.: [Тер-Минасова, 2000: 41]) вызывает весьма ожесточенные дискуссии на современном этапе развития эпистемологических теорий [Imoto 2004, 2005; Kravchenko, 2008; Maturana 1970, 1988; Quine 1969; Searle 1984, 1995, 1999]. Этот вопрос имеет самое непосредственное отношение к научным попыткам объяснения онтологии – к научной картине мира, традиционно претендовавшей на статус объективной. Уровень текстового, рассудочно-эксплицитного, дискурсивного представления знания опирается на базовое противопоставление обыденной (ненаучной, естественноречевой) и научной картин мира. Обращаясь к научной инфосфере, имеет смысл привести тезис Ю. С. Степанова, применяемый им к области семиотики искусства [Степанов 2001: 29], но пригодный – с определенными преобразованиями – и для области научного знания. Появление нового в науке начинается не с теорий о науке, а с изменений самой научной картины мира. Этот тезис перекликается с размышлениями И. Пригожина о формировании нового научного образа действительности и необходимости пересмотра его главного принципа – объективности: «Мы сейчас переживаем момент большого недоверия, как к технике, так и к науке. <...> *Принцип неопределенности Гейзенберга указал на границы нашего познания и поместил наблюдателя внутри исследуемой системы, тем самым лишая науку объективности.* Современное развитие науки, включающее изучение сложных систем и оперирующее понятием хаоса, только углубляет эту тенденцию» [Пригожин 1998: 5; курсив наш – Т. В.].

Хотя сознательная рефлексия научной картины мира и отличает ее от обыденной картины мира, тем не менее обе модели мира порождаются подсознательными процессами, лежащими в основе любого когнитивного опыта, включая и научную рефлексия [Lakoff 1999]. Важнейшим интегрирующим фактором для обоих типов познания является язык как средство формирования, хранения и «передачи» знания (точнее говоря, формирования знания и адаптивного поведения у коммуникантов в

процессе языковой коммуникации). Поэтому научная картина мира является языковой по определению, а значит, зависимой от языка научного описания. Мысль об этой зависимости подробно разрабатывалась П. А. Флоренским: «...всегда остается общее основаначало всех наук – именно то, неотделимое от существа их, что все они суть **описания действительности**. А это значит: все они суть **язык и только язык**» [Флоренский 2006: 101; выделено в оригинале]. Учет этого фактора, считает Б. Л. Уорф, является настоятельной необходимостью: независимо от личности пользователя – ученого или обывателя – использование языка является, главным образом, автоматическим и неосознаваемым, поскольку знание языка – это фоновое знание [Whorf 1966]. Таким образом, объективность научной картины мира на современном этапе развития науки подвергается сомнению как по содержательным параметрам, когда представления о мире ставятся в зависимость от наблюдателя (наблюдения), так и по формальным критериям, указывающим на «языковой вклад» в научные концепции [Томпсон 2003].

Ч. У. Моррис, размышляя о неотделимости друг от друга семиотики и науки, пишет о том, что «*изучение науки может быть целиком включено в изучение языка науки*, поскольку изучение языка науки предполагает не просто изучение его формальной структуры, но и изучение его отношения к обозначаемым объектам, а также к людям, которые используют этот язык» [Моррис 2001: 46; курсив наш – Т. В.]. Отсюда следует, что изучение языка науки носит, по определению, метаязыковой характер: когда объектом изучения становится (научный) язык, то его описание является метаязыком. Сам термин *метаязык* и ряд входящих в него понятийных категорий демонстрируют неоднозначность, дисциплинарную и мировоззренческую зависимость осмысления (см., напр., о различных понятиях, вкладываемых в термин *метаязык*: [Апресян 1999; Ахманова 1961; Гвишиани 1983, 1990; Караваев 1990; Рябцева 2005; Серебрянников 1990; Kempson 1997; Sher 1997; Wierzbicka 1996]).

Чем шире понятие, соотносимое с научной категорией, чем менее эта категория соответствует узкому статусу термина, чем чаще она востребована в самых различных научных дисциплинах и концепциях, тем большую контекстную зависимость осмысления следует ожидать от такой категории. Особенно это касается имен и определений, которые в нашем исследовании выделяются в отдельный класс универсальных **метакатегорий** – научных понятий с широким интенциональным потенциалом. Они образуют специфическую лексическую подсистему на фоне собственно терминологической подсистемы языка науки. Метакатегории в изобилии встречаются в научном дискурсе как инструменты анализа, включенные в методологический и концептуальный аппарат языков частных эпистемологий. В подавляющем большинстве такие научные метакатегории также принадлежат обыденному сознанию (обыденной картине мира), например, «время», «пространство», «понятие», «язык» и мн. др. Они приходят в естественнонаучную картину мира из языка философии, психологии и других гуманитарных антропологических, антропоцентрических систем и концепций. Личные научные убеждения, авторское мировоззрение оказывают особое влияние на их концептуализацию. Строго говоря, концептуализация любого уровня, будь то в науке или обыденном сознании, не создает на выходе объективных категорий – продуктов концептуализации, поскольку создание или формирование концепта есть процесс, по необходимости вовлекающий в себя

не только объект, но и субъекта концептуализации, что обесмысливает рассмотрение концепта в автономном, независимом от субъекта-концептуализатора существовании [Langacker 1999c]. Категория «наблюдатель» относится к таким метакатегориям по целому ряду критериев, приведенных во второй главе работы.

Традиционное, классическое понимание наблюдателя, в духе проведения безусловной грани между субъектом и объектом в субъектно-объектных отношениях, отводило наблюдателю роль «зрителя» [Уиллер 1982]. Однако современная физическая, квантово-теоретическая онтология настаивает на необходимости учета «зависимости [наблюдаемого] процесса от наблюдателя» [Севальников 1999: 211]: пытаюсь объяснить предлагаемую ею онтологическую картину, ученые-физики исходят из взаимодействия наблюдателя с наблюдаемым. О восприятии, наблюдении и наблюдателе много и подробно размышляет Б. Рассел [Рассел 2001]. Для Дж. Сёрля наблюдатель оказывается фундаментальным эпистемологическим фактором, с помощью которого он пытается объяснить существующие для него различия между «реальным», не зависящим от наблюдателя миром, областью ума/сознания/интенциональности, не зависящей от наблюдателя, и социальным, зависящим от наблюдателя миром [Searle 1999]. Наблюдатель является центральным понятием автопоэзной модели познания У. Матураны – модели отношения человека и действительности: он выступает как главный и единственный «конструктор» собственного мира, картина которого формируется дискурсивно, в языке [Матурана 1996]. У. Матурана предлагает целостную и последовательную интерпретацию наблюдателя как живой, специфически человеческой когнитивной системы в ее взаимоотношении с физическим миром. Производимые в результате когнитивного взаимодействия описания (концепты как специфические состояния относительной активности нервной системы в терминологии А. В. Кравченко [Kravchenko 2003a]) не могут выходить за рамки определяемой биологией когнитивной области. Это значит, что в своей когнитивной области наблюдатель (любой человек) не может иметь дело с так называемой объективной, не зависящей от него действительностью – таковой для наблюдателя просто не существует. Иными словами, мир («объективная реальность»), в котором живет человек, выстроен им самим как результат перцептивных процессов наблюдателя из того, что У. Матурана называет субстратом, существующим эпистемологически, но не в онтологии наблюдателя (см. подробный философский комментарий к интерпретации действительности в ее зависимости от наблюдателя [Imoto 2005]). Эта мысль полностью соответствует тем современным физическим естественнонаучным онтологиям, где «фигурирует образ наблюдателя, деятеля, активно участвующего даже не в познании, а в создании познаваемой действительности», а «неоформленная материя ..., если таковая в каком-то смысле существует, остается всегда абсолютно трансцендентной, и указание на нее выглядит как спекулятивная гипотеза» [Гутнер 2004: 490 – 495].

Когнитивный опыт во всех теоретических парадигмах включает в себя процессы восприятия и без них не существует. В когнитивной психологии особого внимания заслуживает концепция восприятия Дж. Гибсона [Гибсон 1988], так как в ней выражены мысли, перекликающиеся с теми идеями в области философии языка и теории познания, которые оперируют категорией наблюдателя. Человеческое существо живет в «экологическом мире» – мире значимых для него сущностей/объектов.

Значимости или значения объектов воспринимаемого экологического мира Дж. Гибсон «обнаруживает» в языке. При этом он активно использует термин *наблюдатель*, когда речь идет о субъекте восприятия: «Любой наблюдатель, даже ребенок видит расстояние между ним и краем обрыва, так называемую *полосу безопасности*» (курсив в оригинале) [Там же: 75]. Замена термина *субъект восприятия* термином *наблюдатель* является значимой. С одной стороны, допустимость такой замены свидетельствует о синонимичности этих двух понятий. С другой стороны, эта замена несет определенную смысловую нагрузку, тем более что тенденция к «вытеснению» субъекта восприятия наблюдателем отмечается в контексте самых различных научных дисциплин [Свирский 2004].

Современные философские концепции восприятия создаются не только в традиционных недрах философии [Мамардашвили 1997; Мерло-Понти 1999; Эко 2004], но и возникают как попытки объяснения субъект-объектных отношений в когнитивных науках в целом, в фундаментальных исследованиях физики, когнитивной биологии и т. д. Доминирующей можно считать идею о необходимости пересмотра основных проблем теории познания и сопутствующих категорий – восприятия, знания, сознания, языка и т. п. Подвергается сомнению возможность проведения границы между организмом и средой в любой поведенческой деятельности организма и считается, что «трудности описания человека как интегративного целого в традиционной психологии являются следствием того факта, что с самого начала человек отделен от своей среды и результатов своего поведения» [Järvilehto 1998a: 332]. Восприятие (познание) в такой интерпретации является не средством получения знания об «объективной» действительности, а механизмом активной адаптации к экспериенциальному миру, поскольку идея объективности действительности в традиционном понимании (как независимость от субъекта восприятия) отвергается [Куайн 2000; Поппер 2000, 2002; Glasersfeld 1990; Imoto 2004; Maturana 1978; Quine 1969].

Обращение к проблемам восприятия, основанное на данных языка, характеризует посвященные этому феномену лингвистические концепции – как уровня общей теории или философии языка (см., напр.: [Кубрякова 2004б; Miller 1976; Wierzbicka 1996]), так и уровня непосредственного анализа языковой эмпирики. Различение в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004]) уровня перцепции и уровня концептуализации созвучно взглядам Дж. Миллера [Miller 1976], в теории которого слова и перцепты не имеют прямой, непосредственной связи, а главная проблема (и центральная задача) когнитивной психологии – изучение области концептуальной системы посредством языка. Категории познания, опыта и восприятия оказываются взаимообусловленными и выводимыми одна из другой. Природа языка такова, что он служит формирующим началом для продуктов непосредственного перцептивного и коммуникативного (межличностного) опыта и, тем более, для продуктов сознательной рефлексии и интерпретации. Именно язык открывает самый прямой доступ к структурам знания различных форматов, по крайней мере, для лингвиста.

Само восприятие как сложное когнитивное явление имеет различные уровни с их различным представлением в языке: «...имеется два уровня категоризации действительности – конкретно-предметный и абстрактно-системный. Конкретно-предметный уровень категоризации в общих чертах представлен в лексиконе естественного языка, абстрактно-системный – в его грамматическом строе» [Кравченко

1996б: 16]. Восприятие (в физиологическом и психологическом аспекте) влияет на языковое «отражение» видения мира: мир видится по-разному, и эти различия отражаются в языке. Лексиконы языков обеспечивают наиболее легкий доступ к процессам восприятия и воспринимаемому миру [Miller 1976]. Грамматическая категоризация в большей степени «созвучна» культурно-исторической специфике восприятия мира.

Неэлементарность концепта восприятия прослеживается и в обыденной картине мира русского и английского языков. В словарных толкованиях отчетливо «высвечиваются» две стороны восприятия, которые теоретически могут быть разделены в общем процессе познания и противопоставлены: возможно восприятие *per se*, т. е. функционирование органов чувств – непосредственный, сенсорно-перцептивный опыт, и чисто ментальное восприятие, никаким образом (по крайней мере, во время своего существования) не связанное с актуальной работой органов восприятия. Ср.: *Воспринять от предшественников все лучшее / One can perceive, in many of these films, that the director wishes to express a mood of melancholy* [Activator 1996]. А. Вежбицкая также называет «восприятие» сложным и чрезвычайно специфическим понятием [Wierzbicka 1980]. Прежде всего это выражается в том, что различные модусы восприятия, из которых особенно выделяется зрительное восприятие, получают в языках неоднородную степень лексической выраженности; ср.: русские *видеть*, *слышать*, *чувствовать* (запах), *чувствовать* (тепло, что-то скользкое, шершавое на ощупь) и лексическую лакуну в области вкусовой сенсорики vs. *see, hear, smell, feel* и *taste* в английском языке. Кроме того, в обоих языках «сенсорная» лексика демонстрирует различное «семантическое поведение» в зависимости от режима восприятия. И, наконец, каждый из сенсорных каналов выражается многозначными словами. Это может означать только одно – для языка релевантны многие сенсорные параметры и аспекты.

Синонимичность понятий «наблюдатель» и «субъект восприятия», с одной стороны, и отчетливая эволюция понятия наблюдателя в современном постнеклассическом научном дискурсе, с другой, мотивируют сравнительный анализ этих категорий. Оба понятия восходят к вершинному понятию субъекта, обладающему универсальной общенаучной значимостью и, как естественное следствие, развивающему многозначность, которая приводит к дроблению категории «одушевленный субъект» на ряд эпистемологически релевантных подкатегорий. К таковым, прежде всего, относятся «субъект восприятия», «субъект сознания», «субъект действия» и «субъект познания», при этом различные стороны этих ипостасей так или иначе опосредуются через языковую способность человека, выступающего в роли субъекта речи [Кравченко 1996б]. Субъект сознания (или его форм, таких, как интенциональность [Searle 1999]) может получать в современных концепциях описание как коллективное начало [Järvilehto 2000; Searle 1999]. Субъект восприятия всегда обсуждается в терминах индивидуальной особи, и в этом контексте они могут быть противопоставлены. Субъект познания, равно как и субъект восприятия, может рассматриваться как субъект знания, не обладающий сознанием, даже на уровне простейших микроорганизмов [Varela 1992; Vehkavaara 1998]. Наблюдатель же в научном дискурсе любой дисциплинарной направленности является одушевленной категорией *homo sapiens*, обладающей сознанием. Именно этот неустранимый признак –

личностная сознательная одушевленность – является одним из тех факторов, которые делают категорию-термин *наблюдатель* столь привлекательной для общенаучного употребления в контексте разумной одушевленности. При этом тенденция к универсальной интерпретации наблюдателя как перцептивно-когнитивного субъекта наделяет его «полномочиями» различных субъектов, в частности, субъекта восприятия, субъекта оценки, субъекта мнения и пр. с доминирующей позицией субъекта восприятия, которая сложилась в силу привнесения знания уровня обыденной и наивной картин мира в концептуализацию категории «наблюдатель».

Метакатегория «наблюдатель» формируется в иерархии родственных концептов и понятий, объединяющихся вокруг нее и образующих вместе с ней динамические структуры сознания. К таковым относятся понятие «наблюдение» в научной картине мира, концепт «наблюдение/observation» в обыденной картине мира. Метакатегория «наблюдатель», не обладая явным формальным терминологическим статусом, не имеет в терминологических словарях и энциклопедиях отдельных статей, содержащих ее определение, но ситуация, в которой возникает наблюдатель, – а именно, наблюдение – является референтом исторически устоявшегося, «узаконенного» и общепринятого научного термина. В подавляющем большинстве случаев словарные и энциклопедические толкования термина *наблюдение* содержат категорию «наблюдатель», что закономерно: никакое наблюдение не мыслимо без своего субъекта. Именно это обстоятельство мотивирует отправную точку исследования – анализ понятия «наблюдение». Строго говоря, речь пойдет о концепте «наблюдение» как более универсальном когнитивном образовании, включающем в себя как обыденные, так и научные смыслы, которые принято называть понятиями. Как полностью осознаваемы текстовые продукты рефлексии (когниции второго порядка [Clark 2004; Love 2004]), понятия по этому признаку могут противопоставляться концептам. Природа последних такова, что они скорее чувствуются, ощущаются как нечто «предстоящее номинации», соотносимое с уровнем внутреннего, интуитивного, биологического познания, нежели формируются в границах рационального познания [Архипов 2007]: концепты реконструируются [Демьянков 2005, 2007; Кубрякова 2007], а понятия конструируются, т.е. определяются, производятся мышлением [Степанов 2007]. Научное понятие «наблюдение» обладает ярко выраженной многозначностью, подвергается значительному и даже радикальному пересмотру. Классический индуктивный метод с его опорой на результаты беспристрастных, т.е. «объективных», наблюдений подвергается критике по мере развития современной науки по причине затруднительности или даже невозможности получения «неискаженных», беспристрастных результатов наблюдения в силу неустранимой вовлеченности наблюдателя. Поэтому даже в строго научном контексте понятие «наблюдение» нуждается в уточнениях и дополнениях, мотивированных конкретной дисциплиной и концепцией, и в том, что Б. Рассел называет техническим лингвистическим анализом научных понятий [Рассел 2001]. В терминах современной языковедческой парадигмы такой анализ входит составной частью в общий концептуальный анализ. Кроме того, он необходим для уточнения частных эпистемологий конкретных наук – теорий о взаимоотношении наблюдателя-ученого и наблюдаемого явления. В контексте лингвистических (психолингвистических) исследований поддаются последовательной дифференциации как минимум четыре эпистемических типа метода на-

блюдения: наблюдения существующих языковых материалов («данностей»), наблюдения опосредованных экспериментальных данных (в психолингвистике, в когнитивной психологии), (само)наблюдения над лингвистической интуицией и (само)наблюдения над собственной психической сознательной деятельностью, т.е. интроспекции [Фрумкина 1999]. Даже в рамках одной научной дисциплины метод, называемый наблюдением, существует в таких существенно различных вариациях. При этом в основе разнообразия лежит различие в природе наблюдаемого объекта – внеположенного наблюдателю-исследователю языкового материала, с одной стороны, или внутреннего наблюдаемого в виде психических рациональных состояний, с другой.

Концепт «наблюдение/observation» в обыденной картине мира рассматривался в терминах концептуально-семантического анализа деривационной базы имени концепта в русском и английском языках – глаголов *наблюдать* и *observe*, соответственно, для учета семантики моделей межчастеречной транспозиции, которые сами по себе принимают обязательное участие в категоризации и концептуализации [Кубрякова 2004б: 342]. Дифференцированное, «полексемное» рассмотрение глаголов *наблюдать* и *observe* с учетом сочетаемостных характеристик, т.е. контекстов употребления, позволяет обнаружить деривационные источники и механизмы появления интересующих нас терминов – *наблюдатель/observer*, *наблюдение/observation*, *наблюдаемое* (сущ., прил.)/*observable* (n, adj), *наблюдательный/observational*.

При всем различии в семантической структуре слов *наблюдение* и *observation* одно выступает со всей очевидностью: обыденное наблюдение никак не является «непроизвольной деятельностью», как заявлено в социологической энциклопедии [Осипов 1998]. Наблюдение – это всегда и везде **перцептивно-когнитивное действие** с обязательной телеологической составляющей – интенцией, контролируемостью и целью: оно характеризуется сознательно-когнитивными началами в силу признаков внимательности и целенаправленности. Именно эти признаки получили концептуальное распространение (extension) с последующим формированием модели более широкой ситуации наблюдения как перцептивно-когнитивного действия/процесса, выходящего за пределы визуальной перцепции и включающего в себя все модусы восприятия, необходимые для взаимодействия с миром. Именно такое понимание наблюдения перешло в научный обиход, оно характерно (за редким исключением) для использования этой категории и в качестве методологического «инструмента» анализа в языкознании, и в качестве объекта интереса и изучения в эпистемологических теориях, особенно в теории автопозза (см., напр.: [Матурана 1996]). Поэтому с точки зрения когнитивного моделирования наблюдение в расширенном и теоретическом смысле должно пониматься как **перцептивно-когнитивное взаимодействие наблюдателя с наблюдаемым, по определению ведущее к формированию знания, а значит, к постоянному изменению наблюдателя**. Структура модели наблюдения отражает обязательное наличие двух взаимосвязанных компонентов – наблюдателя и наблюдаемого. Наблюдатель, исходя из двойственности перцептивно-когнитивного феномена наблюдения, предстает, с одной стороны, как субъект универсального для всех живых (человеческих) организмов восприятия и, с другой стороны, как личность со всем обязательным для нее багажом культурно-языковых и индивидуальных, рациональных и аффективных осо-

бенностей восприятия и отношения к наблюдаемому. Такая модель наблюдения предполагает также специфически двойственный характер наблюдаемого: у наблюдаемого существует внешний и внутренний аспект. Внешний аспект обусловлен существованием объектов наблюдения (восприятия), относящихся в большинстве прототипических случаев к миру внешних стимулов. Внутренний аспект обусловлен возникновением в психике наблюдателя внутреннего образа (в его различных ипостасях в зависимости от уровня и стадии восприятия – концепт, структура знания, образ и т.п.). Наблюдаемое существует как таковое в совокупности этих двух составляющих. Именно поэтому наблюдаемое может обсуждаться в терминах Объекта наблюдения/восприятия и в терминах Содержания наблюдения/восприятия (см. напр.: [Кустова 2004]). Наблюдатель в этой модели – живое, реальное существо, обладающее, с одной стороны, истинной онтологией, а с другой стороны, универсальным эпистемологическим статусом (см. также: [Глыбин 2006]).

Именно в такой интерпретации выступает эта категория в теории У. Матураны [Maturana 1978, 1988], который придает ей особую значимость в решении центральных вопросов современности, связанных с понятиями «объективной действительности», познания, языка. Основные характеристики наблюдателя в концепции У. Матураны, касающиеся онтологического и эпистемологического статуса этой категории, можно сформулировать следующим образом. Наблюдатель – это: 1) человек вообще, вне зависимости от культурного или языкового контекста, *homo sapiens*; 2) автопоэзный организм, находящийся в состоянии структурного сцепления со средой и живущий в дискурсе; 3) максимально абстрактная перцептивно-когнитивная категория уровня эпистемологии (философии), заменяющая собой традиционную категорию субъекта восприятия и/или познания. Эта замена, как говорилось ранее, не является ни случайной, ни автоматической. Оперирование в языке как *modus vivendi* для наблюдателя оказывается постулатом, чрезвычайно привлекательным для лингвистики нового поколения – био-когнитивной теории языка.

У *наблюдателя/observer* как лексической категории обыденного сознания выделяется такой аспект, как наблюдатель-ученый/исследователь: в словаре [Тихонов 2001], где *наблюдатель* включен только как дериват от *наблюдать*, последнее, в частности, может означать следующее: «внимательно следить за кем-, чем-л. с целью изучения, исследования». Ср. в английском словаре: «to watch someone or something in order to learn more about them; to notice something as a result of watching or studying it closely» [Activator 1996]. Такая концептуализация наблюдателя превращает его в субъекта, служащего в эпистемологическом отношении одним из тех элементов, которые связывают обыденную и научную картины мира: наблюдатель как исследователь, занимающийся научными наблюдениями, существует эксплицитно в языковой картине мира обыденного сознания, а также принадлежит научной картине мира. Его концептуализация в языке науки, а точнее, содержание понятия «наблюдатель-ученый», зависит от дисциплинарной принадлежности и эпистемологической установки.

Эпистемический и аналитический потенциал метакатегории Наблюдатель в теории языка раскрывается на фоне родственного понятийного и терминологического сопровождения – терминов-понятий «наблюдаемость», «перцептивность», «наблюдаемость», «наблюдательный». Анализ смыслового объема понятий, родствен-

ных понятию «наблюдатель», позволяет уточнить системные признаки не только каждого конкретного термина, но и всей совокупности терминов в целом. Сама категория Наблюдатель может получать различное лингвистическое терминологическое оформление (выражение). В отечественном языкознании категория Наблюдатель номинируется, как правило, тремя возможными лексическими способами – *наблюдатель*, *субъект восприятия (воспринимающий субъект)*, *перцептор* при полной взаимозаменяемости *перцептора* и *субъекта восприятия* как терминов единой смысловой природы, но различного языкового происхождения, что хорошо видно на следующем примере: «В пейзажном типе текста “глаголы движения” при пропозициональных именах получают фазисное значение появления признака в сфере восприятия *перцептора* ... <...> ... фоновые шумы вводятся в перцептивное пространство *наблюдателя* также глаголами движения-перемещения при признаковых именах ...<...> Иногда употребление глаголов движения в их первом прямом значении... в тексте выражает физическое состояние *воспринимающего субъекта*» [Чумирова 2003: 42 – 44 и далее по тексту; курсив наш – Т. В.]. В когнитивных теориях американской школы терминологически Наблюдатель выражается как *observer*, *perceiver*, *viewer*, ср.: «The significance of orientation is most obvious in the case of *left* and *right*, whose use is determined by the direction in which the speaker, the hearer, or some other viewer is facing ... <...> ... when the perceiver is so absorbed in the perceptual experience that he loses all awareness of self ...» [Langacker 1991: 315 – 316]. Чередование Р. Лангакером терминов *viewer* и *perceiver* в разделе работы, посвященном пространственной концептуализации, указывает на синонимичность этих терминов как вариантов вербализации концепта «наблюдатель» в качестве субъекта перцептивно-когнитивной деятельности. В тех разделах своих работ, которые посвящены роли зрительного восприятия в познании и грамматике, он широко пользуется термином *observer* в значении «субъект зрительного восприятия». Однако, в целом, концептуализация Наблюдателя – *observer* – в его работах выходит далеко за рамки зрительной перцепции, ср.: «With possible exception of God, there is no such thing as a neutral, disembodied, omniscient, or uninvolved observer. An observer’s experience is enabled, shaped, and ineluctably constrained by its biological endowment and developmental history (the products – phylogenetic and ontogenetic – of interaction with a structured environment)» [Langacker 1999b: 203]. Как это понятно из приведенного фрагмента, наблюдателю предписывается роль биологического, обусловленного филогенетическими и онтогенетическими факторами, человеческого субъекта перцептивно-когнитивного взаимодействия со средой.

Из каузальной зависимости наблюдателя и наблюдаемого возникает иерархическая типология Наблюдателей. Она отражает различные уровни восприятия, а именно, наиболее абстрактный и обобщенный уровень *что*-восприятия и конкретные уровни *как*-восприятия, иными словами, разную степень объективности/субъективности восприятия, познания и формирования картины мира. Вершину иерархии уровней восприятия занимает абстрактный, «объективный» уровень восприятия как перцептивной деятельности, свойственной человеку как биологическому виду вообще. Этот уровень создает самые универсальные категории, «безразличные» к каким-либо конкретизирующим, специфицирующим (этническим, культурным, гендерным, личностно-субъективным и т.п.) влияниям социальной природы

человека. Такому уровню восприятия соответствует Наблюдатель как высший биологический эволюционный вид. Именно о таком Наблюдателе ведут речь с принципиальной, научно-мировоззренческой, методологической позиции создатели и сторонники автопоэза в теории познания, философии языка и био-когнитивной теории языка. «Понижение» уровня восприятия на шкале объективности должно вести к языковым последствиям: культурно-этническое восприятие сказывается в различиях языкового «видения» мира, гендерные различия в восприятии отвечают за «женскую картину мира» и «мужскую картину мира», возрастные различия создают различные миры детства, отрочества, зрелости и т.д. Как писал по поводу отношения «абстрактное vs конкретное» Б. Рассел [Рассел 2001: 106]: «... в широком смысле, всякое восхождение по ступеням абстракции уменьшает разницу между мирами отдельных людей».

В «природную», онтологическую многозначность метакатегории Наблюдатель в обыденной картине мира делает вклад и различие методологических ориентаций: в контексте лингвистических исследований существуют различные типы Наблюдателя. Когда упоминается Наблюдатель, обычно имеется в виду любой из пяти режимов внешнего восприятия, но в первую очередь речь идет о зрительном восприятии, затем – о слухе. Только в работах А. В. Бондарко Наблюдатель рассматривается в рамках более широкой категории «перцептор» [Бондарко 2002]. Перцептор является главным субъектом восприятия со всем набором каналов чувственного восприятия, а Наблюдатель рассматривается только в режиме зрительного восприятия. Наблюдателя можно позиционировать как внутреннего в тех концепциях, которые полагают Наблюдаемым внутренний мир [Арутюнова 1999; Верхотурова 1997, 2004; Залевская 2006; Семенова 2007; Фрумкина 1999]). Внешний же Наблюдатель наблюдает все, что существует вне его физического тела, т.е. как наблюдатель в традиционном, классическом понимании субъекта восприятия в режиме всех перцептивных каналов. Определения «внешний» и «внутренний» могут получать другую интерпретацию. В работах Ю. Д. Апресяна и внешний, и внутренний Наблюдатели являются субъектами зрительного восприятия в различных контекстах. Дескриптивный контекст создает Наблюдателя как субъекта внешнего восприятия и описания в случае слова *видеться*, активный контекст – Наблюдателя как субъекта действия (движения) и восприятия в случае слова *влиять* [Апресян 1999]. При использовании этого метапонятия может происходить расширение аналитической функции Наблюдателя: из перцептивной фигуры категориально-указательного языкового уровня он чаще всего вырастает в перцептивно-когнитивную фигуру Наблюдателя, совмещающего акт перцепции с оценкой.

В феномене наблюдения, с возникновением фигуры Наблюдателя неизбежно появляется Наблюдаемое, поэтому в эту категорию попадает как весь экспериенциальный мир, так и любой его фрагмент – предметный, признаковый, событийный. В силу такой универсальности референтного статуса категория Наблюдаемое предполагает анализ, помогающий уточнить ее взаимообусловленную корреляцию с категорией Наблюдатель, пополнить представление об этой категории, а также эксплицировать аналитический потенциал самой категории Наблюдаемое.

Прототипический контекст для максимальной экспликации Наблюдателя и, соответственно, Наблюдаемого создается синтаксической структурой высказываний

с множеством предикатов собственно восприятия, возглавляемым глаголами *видеть* и *смотреть* (*see* и *look*). Такая синтаксическая структура изоморфна когнитивной модели ситуации наблюдения, она открывает позиции для Наблюдателя и Наблюдаемого, ср.: *Он увидел новые постройки*; синтаксические категории субъекта и объекта соответствуют когнитивным, семантическим участникам ситуации наблюдения: подлежащее – Наблюдателю, дополнение – Наблюдаемому. В большинстве случаев, однако, Наблюдаемое не выражается таким явным образом в прототипической синтаксической позиции, поскольку концепт восприятия большей частью имплицитруется в языке, «встраиваясь» в другие, совместимые с ним концепты. Конкретное Наблюдаемое дифференцируется на основании полимодальности восприятия: классы сущностей ранжируются в категории «Наблюдаемое» словами-терминами, называющими результаты сенсорных и перцептивных процессов различных модусов восприятия – зрительного, слухового, обонятельного, вкусового и осязательного.

Взаимосвязь и взаимообусловленность ощущений и перцептов различной сенсорно-перцептивной модальности создает целостное, интегрированное Наблюдаемое как результат перцептивной полимодальности, отражая явления собственно полимодальности и синестезии (интермодальности) [Бордовская 2005; Рузин 1994]. Собственно полимодальное Наблюдаемое объединяет, как минимум, два равноправных модуса перцепции таким образом, что его языковое выражение соотносится с этими модусами прямым, неметафорическим образом, ср.: *яркий/bright* в описании света – *яркий свет/bright light* – и/или цвета – *яркий цвет/bright colour*, *пушистый/fluffy* в описании зрительного и/или тактильного образа – *пушистый котенок/fluffy kitten* (синкретичный визуальный и тактильный перцепт). Синестетическое (полимодальное) Наблюдаемое характеризуется таким взаимодействием модусов восприятия, когда исходная, первичная перцептивная модальность становится базой для метафорического переноса ощущения на другую модальность, ср.: *теплый/warm* в описании температурных ощущений – *теплая вода/warm water* и в переносном цветовом значении – *теплые цвета/warm colours*.

Взаимодействие модусов восприятия обнаруживается не только в признаковой, но и в событийной сфере, о чем свидетельствует семантическая деривация глагольного значения. В английском языке лексическая семантика одного из самых больших классов глаголов испускания и произведения звука *shuffle, gurgle, creak, thud, grumble, rustle, roar, buzz* и т.п. имеет имплицитное отношение к концепту восприятия – включает в себя указание на Наблюдателя (в режиме слухового восприятия). Они выражают событие как динамический, перцептивный, акустический признак. Эти же глаголы в контексте предложного словосочетания с направлятельным значением типа *into the room* могут выражать дополнительную семантическую функцию – описывать направленное движение [Levin 1997]: *She rustled into the room; She shuffled over the counter; The bullet thudded into the wall* [Longman 1990]; *...the elevator wheezed upward; ...a flatbed truck...rumbled through the gate* [Levin 1997]. При таком употреблении глаголов происходит «расширение» Наблюдаемого, включающего синкретичное описание слухового и зрительного образа, отражая универсальное психическое явление синестезии средствами глагольной, событийной семантики. Русские глаголы звука также могут выполнять такую функцию – глаго-

лов направленного движения – и выражать синестетический образ Наблюдаемого, но в определенном, ограниченном контексте, ср.: *Паровоз (пароход) пропыхтел (прогудел, просвистел) мимо.*

В случае пространственной категоризации мира логически выводимым Наблюдаемым является пространственное отношение воспринимаемого объекта и самого Наблюдателя, где все в принципе воспринимаемое пространство, т.е. перцептуальное пространство Наблюдателя («ниша» в терминологии У. Матураны [Матурана 1996], *setting* в терминологии Р. Лангакера [Langacker 1999b: 67]) является воспринимаемым/наблюдаемым фоном для определения в нем местоположения объекта **относительно и только относительно Наблюдателя**, ср.: *Его дом перед нами* и *Уходите*. Тем самым Наблюдатель становится концептуально необходимой частью Наблюдаемого, что оговорено У. Матураной в концепции наблюдателя и соответствует современным представлениям о «включенности» Наблюдателя в наблюдаемый и описываемый объект/феномен: «Наблюдатель может определить в качестве сущности и самого себя, задавая собственную область взаимодействий; при этом он может оставаться наблюдателем этих взаимодействий, обращаясь с ними как с независимыми сущностями» [Матурана 1996: 98].

Прототипическое внешнее Наблюдаемое вступает в своего рода оппозитивные когнитивные отношения с внутренним Наблюдаемым, в качестве которого выступает «внутренний мир» человека (его фрагмент). Внутреннее Наблюдаемое может соотноситься с чисто физиологическим, аффективным и рефлексивно-ментальным, интеллектуальным состоянием Наблюдателя. Взаимодействие Наблюдателя с внутренним Наблюдаемым является контролируемым процессом или актом научно-исследовательского наблюдения, когда Наблюдатель-исследователь рассматривает и изучает свою психику как некоторое внутреннее Наблюдаемое » [Фрумкина 2001]. Процессы и акты внутреннего восприятия – мнимого наблюдения – имеют место и в обыденном контексте, ср.: *представить, вообразить/imagine, fancy*. Эти предикаты описывают внутреннее, мнимое восприятие и сознательно создаваемое внутреннее Наблюдаемое. Такое контролируемое внутреннее Наблюдаемое противопоставляется неконтролируемому, спонтанному Наблюдаемому в семантической системе русского и английского языков. Предикаты *казаться, чудиться, мерещиться/see* в значении «to form mental pictures», *see things, seem, hallucinate* описывают ситуацию мнимого наблюдения, спонтанно возникающего в психике образа Наблюдаемого.

Существование Наблюдателя не мыслится без какой-либо формы Наблюдаемого, даже если речь идет о его отсутствии. Отсутствие объектов восприятия в личном перцептуальном пространстве Наблюдателя является значимым для грамматической системы русского языка [Падучева 1992, 1997]. Речь идет о взаимодействии лексической и грамматической семантики предикатов, и такое отсутствие является Наблюдаемым, реконструируемым из недр наивной, имплицитной, семантической системы языка. В синтаксисе высказывания типа *Мне (ему и т.п.) Машу не видно* существует место для конкретного Наблюдателя. Наблюдаемое (Маша) в таких высказываниях можно определить как гипотетическое: Наблюдателю известно, что оно присутствует, только по какой-то причине акт восприятия не может состояться. Высказывание типа **Мне (ему и т.п.) Маши не видно* не допускает выражения Наблюдателя. Наблюдатель присутствует имплицитно, «за кадром» в статусе виртуальной

или обобщенной фигуры. Именно такая обобщенная фигура Наблюдателя и создает семантику Наблюдаемого как значимого отсутствия, если оно выражается генитивным субъектом.

Обыденная картина мира – собственно лексическая эксплицитная семантика – также чувствительна к значимому отсутствию Наблюдаемого: в лексической системе русского и английского языков существуют слова, вводящие этот концепт в языковую картину мира, ср.: *темнота (тьма, темь, темень)/darkness (dark)*, *пустота/emptiness*, *тишина (тишь)*, *безмолвие/silence, quiet*, *молчание/silence*. Слова, называющие концепт «наблюдаемое как значимое отсутствие», вводят всего лишь два сенсорно-перцептивных параметра, для которых такое Наблюдаемое возможно, – восприятие света и звука. Это ограничение обусловлено природой вещей: слепота или глухота человека являются распространенными природными отклонениями, которые человек без такой патологии может «смоделировать», закрыв глаза и заткнув уши. Трудно, если вообще возможно, «смоделировать» отсутствие сенсорики вкуса, запаха, тактильных ощущений; не бывает отсутствия формы или цвета. Возможно, такая природа вещей коренится и в многофункциональности тех органов – носа, языка и ротовой полости, кожи, – которые, помимо других функций, участвуют в восприятии мира [Wierzbicka 1980]. В обыденной картине мира русского и английского языков такое отсутствие не имеет явного выражения.

Био-когнитивный подход к языку как главная методологическая предпосылка нашего исследования побуждает рассматривать концептуальные и лингвистические (т.е. семантические) феномены как берущие начало в конкретных схемах нейронной активности [Кравченко 2001a]. В таком случае целью семантических исследований, считают лингвисты-когнитологи, является «идентификация концептуальных компонентов и освещение сложных концептуальных структур, вызываемых лингвистическими выражениями» [Langacker 1999a: 240]. Именно поэтому Наблюдатель как перцептивно-когнитивный носитель живого, телесного опыта является первичным концептуализатором [Матурана 1996]. Поскольку семантические компоненты, будь то слово, грамматическая форма или высказывание, являются когнитивными по определению, любой языковой знак экстериоризирует, объективирует структуры опытного знания как пропозиционального (языкового), так и сенсомоторного характера, обусловленные целиком и полностью перцептивным опытом Наблюдателя. Ассоциативные эксперименты в психолингвистике доказывают, что лексическое значение представляет собой динамическую когнитивную структуру, вырастающую из разноприродного опыта – языкового и перцептивно-когнитивного (включая аффективную составляющую) [Залевская 2005]. Даже те уровни знания, которые относятся к сфере языкового, пропозиционального, основываются на опыте Наблюдателя. Исследования группы слов русского и английского языков, обозначающих конкретные предметы (*яблоко/apple*, *груша/pear*, *лимон/lemon* и т.п.), доказывают, что их семантика включает информацию языкового (пропозиционально-дефинитивного) характера и перцептивного, сенсомоторного характера, т.е. визуального, тактильного, вкусового и манипуляционного. При этом сами дефиниции опираются в основном на такие признаки, «понимание которых решающим образом зависит от сенсорного опыта индивида (цветозначения и вкусовые характеристики)» [Швец 2005: 17]. В самом деле, даже простой здравый смысл подсказывает, что сенсорно-

перцептивный образ, возникающий у Наблюдателя при взаимодействии с неязыковым объектом, не может не составлять ядерной части концепта, стоящего за соответствующим словом.

Семантизация восприятия пространственных отношений демонстрирует особую зависимость от оценок расстояния и, соответственно, пространственных ориентиров. Поэтому вряд ли возможно найти исследование в этой области языкового значения, в котором авторы смогли бы обойтись без категории Наблюдателя. Весьма подробно и основательно модели пространства в русской языковой картине мира описаны в монографии Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994]. Для их экспликации вводится ряд понятий, в частности понятие абсолютной пространственной оценки «с семантикой непосредственного восприятия» или ‘наблюдения’» [Там же: 35]. Рассматривая пространственные отношения и выражающие их пространственные наречия в русском языке, А. В. Кравченко делает наблюдение, которое «обычно ускользает от внимания исследователей» [Кравченко 1996б: 53]. Он идет дальше простого утверждения наличия/отсутствия признака наблюдателя и/или наблюдения, характеризующего некоторые пространственные наречия, и объясняет его наличие/отсутствие морфологической производностью наречий – семантическим типом корневой морфемы и значением участвующего в деривации суффикса. В этой же работе (как и в целом в концепции А. В. Кравченко, см., напр.: [Кравченко 1992а]) утверждается и обосновывается примат фигуры наблюдателя над эгоцентризмом говорящего. В англоязычном языкознании категория наблюдателя широко используется создателем «когнитивной грамматики» – Р. Лангакером [Langacker 1991; Langacker 1999a, 1999b, 1999c]. Изучая топографические частицы в языке Кора, Р. Лангакер обращается к понятию наблюдателя (the conception of a viewer, the orientation of the viewer, an external viewer).

Говоря о лексиконе в целом, есть основания утверждать, что Наблюдатель может выступать в роли его системного «классификатора». Как известно, слова в языке находятся в системных, гипо-гиперонимических отношениях, объединяясь в классы (группы, разряды, таксоны и пр.). Признаки, по которым происходит объединение лексикона в таксоны, оказываются, как правило, естественными², перцептивными, указывающими на субъекта восприятия – Наблюдателя в нашей терминологии: «Основанием для объединения в группу в естественном языке, отражающем наивное сознание, служит не логика рациональной (восходящей к Аристотелю) классификации, но “семейное сходство” (Витгенштейн). Возможно, что признаки, по которым выделяются “семьи” – это наиболее заметные для носителей языка признаки... <...> Не случайно все или почти все эти признаки – *внешние, воспринимаемые органами чувств человека*» [Розина 1994: 76; курсив наш – Т.В.].

При изучении лексической семантики традиция отношения к фигуре наблюдателя в отечественном языкознании основывалась на ее имплицитном присутствии в семантике отдельных слов, групп слов и даже целых классов слов (как правило, глаголов). Таким образом возникает идея фиктивного актанта в терминах работ Ю. Д.

² См. также в работе [Aitchison 1994], посвященной изучению природы ментального лексикона, выводы о том, что организация ментального лексикона в когнитивном пространстве сознания не может носить жестко логический словарный характер.

Апресьяна [Апресьян 1995б] и «наблюдателя За кадром» в терминах работ Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой [Падучева: 2000; Кустова: 2001]. В лексико-семантической системе русского и английского языков концепты эмоций могут выражаться целым рядом прилагательных, манифестирующих внешние признаки эмоциональных состояний, ср.: *веселый* (человек, взгляд, смех и т.п.), *радостное* (лицо и т.п.), *унылый, угрюмый, мрачный* (человек, взгляд, выражение лица и т.п.) и в английском *merry, cheerful, gloomy, gay* (person, smile, laughter, voice и т.п.), но *cheerful clothes, music; gloomy day; gay colours, music* [Hornby 1982; Longman 1999]. Употребление подобных слов в контексте проявления человеком своих эмоций со всей необходимостью «вызывает» к фигуре стороннего Наблюдателя, замечающего и оценивающего эти эмоции со стороны, ср.: *веселая улыбка*. Такие ситуации обязательно двусубъектны. Метафорическое употребление этих прилагательных – *веселый пейзаж* – «высвечивает» другой аспект концепта эмоций, который заметно отличен от предыдущего. Во-первых, речь идет о моносубъектной ситуации: субъект эмоционального состояния кореферентен Наблюдателю; во-вторых, эмоциональное состояние не проявляется, оно вызывается наблюдением. При всем различии ракурсов «сценария», создаваемого прилагательными эмоций, когнитивную релевантность приобретает модель наблюдения, сохраняющаяся во всех вариантах этого «сценария», но выражающаяся в различных конфигурациях Наблюдателя и Наблюдаемого. Концепт «поведение», объективируемый группой прилагательных (и соответствующих наречий) типа *демонстративный* (*демонстративно*), *претенциозный* (*претенциозно*) / *demonstrative(ly)*, *ostentatious(ly)*, еще в большей степени, чем концепт «эмоции», ориентирован на наблюдение и Наблюдателя, который появляется в нем на двух уровнях одновременно – на уровне Наблюдателя-Субъекта поведения и Наблюдателя-Субъекта восприятия и оценки.

Ряд имен русского и английского языков можно подвести под рубрику визуального Наблюдаемого ситуативно-событийного характера с определенной динамикой (в отличие от чисто предметных имен): *картина, зрелище, вид, сцена, панорама* (ряд можно продолжать в сторону как зрелищно-театральную – *представление* и т.п., так и художественно-изобразительную – *пейзаж* и т.п.), ср. в английском языке: *sight, view, spectacle, scene, picture, panorama, show*. Все эти существительные в качестве концептуализаторов Наблюдаемого обозначают единство внешнего стимульного аспекта и внутреннего психического аспекта восприятия/наблюдения, включающего как обязательный элемент соответствующую каждому слову специфическую оценку Наблюдаемого. Поэтому все эти слова выражают семантическую парадигму противопоставлений различных признаков Наблюдаемого: динамика (статика), эстетический параметр, событийный параметр и пр.

Строгие терминологические ограничения, связанные с понятием фиктивного актанта и «предписывающие» Наблюдателю синтаксическую скрытость, невыразимость, оказываются помехой при анализе ряда языковых явлений, интерпретация которых нуждается в Наблюдателе, имеющем выход в поверхность высказывания (см. о Наблюдателе, выражаемом подлежащим высказывания: [Падучева 2006]; о понятии и выражении Наблюдателя при исследовании семантики слова *вид*: [Кустова 2004]). Выход Наблюдателя в ранг синтаксически выразимых компонентов высказывания существенно расширяет аналитические возможности этой категории.

Анализ неопределенного множества глагольных предикатов, выражающих в самых различных ракурсах перцептивно-когнитивное взаимодействие Наблюдателя и Наблюдаемого и открывающих для них синтаксические позиции, пополняет и уточняет представление как о самом Наблюдателе, так и о Наблюдаемом.

Ряд собственно перцептивных предикатов возглавляют центральные глаголы *видеть* (*увидеть*) в русском языке и *see* в английском языке. Ситуация наблюдения должна быть представлена по-разному уже в рамках структуры одной многозначной лексической единицы. В первую очередь, и это симптоматично, в обоих языках наблюдение трактуется как некое перцептивное состояние Наблюдателя-Эксперимента, ср. занимающие первую позицию в словарях значения глаголов *видеть* (*увидеть*) и *see*, соответственно: «иметь зрение, обладать каким-либо зрением»: *Совы видят ночью. Вижу плохо (хорошо)*; «[I, not in progressive forms] – to use the eyes; have the power of sight»: *He doesn't see very well with/in his right eye. It was so dark I could hardly see*. Профилирование состояния как такового объясняет отсутствие Наблюдаемого в формальной структуре высказывания.

Визуальное Наблюдаемое обладает чрезвычайным разнообразием форм, качеств, признаков. Оно может быть единичным/множественным объектом, недискретным веществом, событием, живым существом и т.п. Каждая из характеристик Наблюдаемого мотивирует семантику конкретного предиката перцептивного действия. Для примера возьмем лишь один из них – *просматривать/look through*. Ни в русском, ни в английском языке невозможно просматривать следующее Наблюдаемое: **Я просматриваю молоко (воду и подобные вещества)*. Глаголы *просматривать* и *look through* описывают перцептивное действие, совершаемое с множественным Наблюдаемым. В конструкциях с глаголами показа (*показывать/show* и мн.др.) Наблюдатель может быть не выражен, а вот наличие Наблюдаемого обязательно. Поэтому вполне нормально высказывание с опущенным дополнением, организованное глаголом *смотреть/look*: *Она просто смотрела. – She was just looking*. Для высказываний с глаголом *показывать/show* такое опущение вряд ли возможно: *?Она просто показывала. – ?She was just showing*.

Группа акциональных перцептивных предикатов включает в себя глаголы и глагольные словосочетания, которые описывают «сигнальные» действия – *сигнализировать, махать (рукой, чем-либо в качестве знака, сигнала), подавать знак, по-манивать, подзывать кивком* и т.п.; *sign (to), signal, beckon (to), wave (to, at)* и т.п. Позиция Наблюдателя в высказывании с такими глаголами закреплена в форме косвенного дополнения. Наблюдаемое включает в себя субъекта действий, но не сводимо к нему как к «телесно-предметному» объекту восприятия, поскольку значение имеет не само наличие человека в перцептуальном пространстве Наблюдателя, а производимые им определенные **знаки** или **сигналы**. По этой причине в случае «сигнальных» предикатов Наблюдаемое может иметь редуцированное, «фрагментарное» выражение в синтаксисе высказывания, когда имеется только имя сигнализирующего лица, но отсутствуют описания собственно знаков и сигналов, как в приведенном выше примере. Ср. пример, в котором дано описание наблюдаемого сигнала: *Она отчаянно сигналила, размахивая рукой. – She was signaling wildly, waving her hand* [Longman 1990]. Для семантики перцептивных предикатов кажимости (казаться/*seem* и т.п.) Наблюдатель является обязательным концептуальным компонен-

том [Арутюнова 1999; Семенова 2007]. Объект восприятия – Наблюдатель – и оценка получают раздельное представление в структуре высказываний. Главный синтаксический статус – статус подлежащего – присваивается объекту наблюдения и оценки, «объективному» Наблюдаемому. Собственно значение кажущегося – оценка, впечатление, образ, гипотеза – передается предикативом, ср.: *Она показалась ему жеманной и неестественной; The whole situation seemed very unfair to me* [Activator 1996].

Специфический ракурс взаимодействия Наблюдателя и Наблюдаемого описывают глаголы типа *прятать* – «помещать в тайное, скрытое место, укрывая от остальных» [Кузнецов 1998] в русском языке. В английском языке – это глаголы типа *hide (from)* – «to put or keep out of sight, prevent from being seen or found» [Longman 1990]. Следует сразу же отметить, что ситуация наблюдения, описываемая такими глаголами, отмечена весьма своеобразным образом – «знаком минуса», ср.: *Я спрятала разбитую тарелку в ящике (стола). – I hid the broken plate in the drawer* [Longman 1990]. Наблюдаемое – *разбитая чашка* – носит сугубо гипотетический характер, так же как и предполагаемый, нежелательный Наблюдатель: вся ситуация наблюдения носит характер гипотезы, при этом существует реальная разбитая чашка и реальные люди, от которых ее скрывают. Глаголы обозначают активные, целенаправленные физические действия, выполняющий их субъект занимает центральную синтаксическую позицию подлежащего, но Наблюдателем не является. В вышеприведенном примере гипотетический Наблюдатель не выражен, но он в принципе синтаксически выразим в подобных высказываниях – имеет место, вводимое предлогами *от* и *from*: *Прячьте спички от дедов; I used to hide his cigarettes from him so he couldn't smoke* [Activator 1996].

Ситуация внутреннего наблюдения объективируется предикатами внутренней наблюдаемости, специфицирующими эту ситуацию как область непрототипического, виртуального восприятия: *воображать, представлять* и т.п. / *to visualize, imagine, picture* и т.п. Примечательно, что в эту группу входит и главный перцептивный глагол *видеть/see* в одном из своих значений. Ср.: *видеть* – «представлять, воображать (мысленно или во время сна)» [Кузнецов 1998]; *see* – «to form a picture of ... in the mind, imagine» [Activator 1996]. Между высказываниями с предикатами внутренней наблюдаемости и предикатами собственно восприятия наблюдается иконическое синтаксическое соответствие, ср.: *Она вообразила (представила) картину южной ночи; I can imagine the scene quite clearly* [Longman 1990]. В случае глагола *видеть/see* смысловая идентификация описываемого восприятия как внешнего или внутреннего создается исключительно за счет контекста. Ср.: *I'm going to Corfu next week. I can see it all now – sun, sand and sea!* [Activator 1996]. Такое соответствие свидетельствует об изоморфизме синтаксической структуры высказывания с этими предикатами и когнитивной структуры ситуации наблюдения, однако этот изоморфизм носит частичный, поверхностный характер: Наблюдаемое в структуре ситуации внутренней наблюдаемости лишено внешнего аспекта – оно не может являться внеположенным перцептивным объектом внешнего, стимульного мира Наблюдателя. Наблюдатель здесь, в свою очередь, не есть субъект восприятия в строгом смысле, но всегда функционирует как Субъект сознания, «наблюдающий» образы, живущие в его сознании.

Метакатегория Наблюдатель активно используется при реконструкции наивной картины мира из «недр» грамматики [Кравченко 1990, 1992а,б, 1993, 1995; Ковалева 2004; Падучева 1996; Langacker 1991]. В ряде языков (например, в русском, немецком, итальянском) обнаруживается суффиксально-морфологический способ выражения перцептивно-оценочного значения. Дж. Р. Тэйлор относит этот способ к морфологической категории уменьшительности (the morphological category of diminutive) [Taylor 1989]. Он считает, что ее существование обязано необходимости выражения в языке физически, визуально воспринимаемого различия в величине физических объектов, когда «уменьшительная категория выражает маленький размер физической сущности», ср.: *дом* > *домик*, *Tisch* > *Tischlien*, *villa* > *villetta*. Однако вместе с перцептивным значением эта категория всегда в той или иной степени выражает эмоционально-аффективную реакцию субъекта восприятия – Наблюдателя. Сравнение форм *дом* и *домик* указывает не просто на различие в размерах перцептивно идентифицируемого объекта – дома большого и дома маленького, но на необходимость выражения противопоставления нейтральной номинации и маркированной номинации – сигнала субъективных оценок Наблюдателя.

Указание на тип категоризируемого знания – феноменологического (включающего Наблюдателя) и структурального (нейтрализующего Наблюдателя) оказывает значительное влияние на продуцирование и интерпретацию синтаксического значения. Иначе говоря, в формировании синтаксического значения значительную роль играет фигура Наблюдателя [Болдырев 2000б] и/или признак «наблюдаемость». Формальная языковая модель, обладающая своим собственным реальным и виртуальным пространством, реальными и виртуальными компонентами, проявляет естественную зависимость от хода общих когнитивных процессов. Все это находит отражение в неразрывном взаимодействии поверхностных формообразующих, глубинных концептуально-семантических и когнитивных факторов. В русском языке совпадение фигуры говорящего и Наблюдателя демонстрирует простейшая синтаксическая пропозициональная форма – одночленная (односоставная) синтагма, функционирующая как законченное (возможно, распространенное) высказывание. Такое высказывание, предназначенное для описания физического процесса (явления, ситуации, объекта), несет в себе признак наблюдаемости, оно отмечено присутствием Наблюдателя. Это, прежде всего, назывные, или номинативные, предложения типа *Весна*; *Дождь*; *Утро*; *(Дремучий) Лес*; *(Заброшенный) Дом*; *Пожар* и т.п., а также безличные предложения, имеющие два варианта реализации – за счет безличного глагола и за счет слова категории состояния: *Светлеет*. *Красиво*. *Тепло*.

Прототипические двучленные предложения с глаголами физического действия, в которых подлежащее выражено именем лица, описывают ситуации, обладающие значением наблюдаемости и предполагающие существование Наблюдателя, который вне контекста является неопределенным и может не совпадать с говорящим, ср.: *Он работает/работал (в саду)*; *Она стирает/стирала* и т.п. В таких высказываниях возможна актантная трансформация: синтаксически первичная позиция подлежащего может быть выражена семантически вторичным (для синтагматического значения данных глаголов) актантом – Инструментом. Ср.: *Нож режет*; *Топор рубит*; *Ручка пишет* и т.п. Такая трансформация приводит к разведению говорящего и Наблюдателя и нейтрализации последнего даже при сохранении грамма-

тического настоящего времени. Описываемые выше ситуации уже не есть действия, но характеристики свойств инструментов; описывающие их высказывания обладают фактообразующим значением, представляющим в структуре языка структуральное знание: все знают, что ручка пишет, нож режет и т.п.

Ранее речь шла о «последствиях» наблюдения, которые не касались сферы языкового взаимодействия. Но Наблюдатель – это субъект не только перцептивно-когнитивный, но и коммуникативный, это существо, «живущее в языке», в дискурсе – «на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004в: 16]. Когнитивное описание языка коммуникации по необходимости должно включать факторы (языкового) взаимодействия и контекста: «... кажущееся банальным ... наблюдение заключается в том, что говорящие ощущают (*apprehend*) свои взаимодействия и контексты, в которых они происходят – иначе они не смогли бы принимать успешное участие в этих взаимодействиях и контекст не оказывал бы никакого влияния. <...>... отнюдь не изолированный от интерактивного контекста, говорящий ум активно участвует в наблюдении, интерпретировании и аффективном оценивании контекста, вводя его, таким образом, в область когниции» [Langacker 1999a: 234].

Прагматическая форма когнитивного анализа языковых явлений опирается на восприятие речевых действий и поэтому имеет самое непосредственное отношение к фактору Наблюдателя. Паралингвистика коммуникативного акта определяется наблюдением, осуществляемым как Наблюдателями-коммуникантами, так и Наблюдателями-свидетелями, по той или иной причине оказавшимися в числе слышащих и видящих речевое действие. Образ коммуникативного поведения создается в русском и английском языках с использованием коммуникативных предикатов, вводящих прямую и косвенную речь. Речевые предикаты *кричать/yell, shout* и *шептать/whisper* характеризуют способ речевого действия, мотивированный интенцией субъекта речи в функции Наблюдателя. Эта мотивация произрастает из оценки Наблюдаемого – определенных прагматических параметров коммуникативной ситуации, которые, в свою очередь, ведут к возникновению описываемого паралингвистического симптома – интенсивности звука голоса говорящего.

В составе множества коммуникативных предикатов с перцептивным компонентом в русском и английском языках наряду с группой глаголов с системным иллокутивным значением выделяется группа глаголов, которые вообще нигде, ни в одном словаре не отмечены, даже метафорически, в ряду глаголов речи, и становятся таковыми «по воле повествователя», в контексте коммуникативной ситуации (дискурса). К таковым могут относиться глаголы, выражающие эмоциональные и физиологические состояния и их внешние стимулы, глаголы семиотических действий, глаголы движения. Ср.: – *Что, съел?* – *нагло оскалился* *вор* (Акунин. Детская книга); ‘*Don’t apologize, she **smiled***’ (Steel 1998: 76); ‘*I don’t know. Live again, I suppose, she **sat back** in her chair with a sigh...*’ (Steel 1998: 176); – *Нем! Нем!* – *замахал* *свободной рукой* *доктор* и *показал* *на песочные часы*. – *Осталось всего четыре минуты* (Акунин. Детская книга). Неречевые коммуникативные предикаты часто выражают произвольные эмоциональные состояния, проявляющиеся в изменении выражения лица, позы и других движений тела субъекта речи. Они отражают результат восприятия прагматической составляющей речевого действия Наблюдателем-интерпретатором. Он может входить в структуру коммуникативной ситуации в

качестве адресата или известного слушающего, но может и оставаться за ее пределами, «в тени», что вообще характерно для жанра повествования.

Наблюдение может быть описано как синхронное с процессом коммуникации или ретроспективное, оно вводит разноприродное Наблюдаемое, получающее различные аксиологические характеристики. Множество иллокутивных глаголов в системе русского и английского языков, употребляемых для описания речевых актов, акцентируют способ речевого поведения и характер звучания голоса и тем самым указывают на Наблюдателя (адресата или слушающего), воспринимающего, интерпретирующего речевой акт и оценивающего, характеризующего субъекта речевого произведения. Так, в случае слов *кричать*, *шептать*, *yell*, *whisper* и ряда других иллокутивных глаголов типа *утихомиривать*, *утешать*, *calm (down)*, *comfort*, Наблюдатель концептуализируется как иллокутивный субъект, воспринимающий и оценивающий *параметры текущей ситуации*: наблюдение и коммуникативная ситуация синхронизированы в едином хронотопе, иллокутивные намерения определяются перцептивно-когнитивной оценкой состояния и/или поведения адресата – симптомов раздражения, нервозности, горя и т.п. Другие речевые предикаты, например, *свидетельствовать*, *описать*, *расписать*, *testify*, *paint*, *describe*, моделируют коммуникативную ситуацию таким образом, что субъект речи является ретроспективным Наблюдателем: содержание речи мотивируется тем, что субъект речи наблюдал во временных параметрах, предшествующих коммуникативной ситуации. Кроме того, глаголы *свидетельствовать* и *testify* приписывают Наблюдателю – субъекту речи – этические мотивации и вводят Наблюдаемое событийного характера, глаголы *расписать* и *paint* – эстетические мотивации и вводят Наблюдаемое предметного характера, включающее и людей.

В результате проведенного исследования получено новое знание о важном аналитическом метапонятии лингвистических исследований, каким является «наблюдатель», определен его статус как перцептивно-когнитивной метакатегории общенаучного дискурса. В диссертации был осуществлен комплексный анализ этой метакатегории в различных контекстах – будь то философский, психологический научный дискурс, или различные концепции языкознания, включая философию языка. Было пополнено представление об универсальном понятии «картина мира» в ее самом непосредственном отношении к понятию наблюдателя. Метакатегория «наблюдатель» и сформировавшийся вокруг нее понятийно-терминологический комплекс открывают множество перспектив рассмотрения различных языковых явлений в их отношении к феномену восприятия. Полученные в результате данного анализа наблюдения дают основания полагать, что Наблюдатель относится к центральным метапонятиям когнитивных исследований и обладает значительным аналитическим потенциалом, позволяющим использовать ее при анализе любых конкретных языковых феноменов и языковой картины в целом. В диссертации были решены определенные аспекты важной научной проблемы представления в языке знания, полученного в результате перцептивно-когнитивного взаимодействия языковой личности с миром действительности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора общим объемом 38,9 п.л.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК

1. Верхотурова, Т. Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 2 – 3. – С. 14 – 26 (1,5 п. л.).
2. Верхотурова, Т. Л. Концептуализация наблюдателя в языкознании [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2006. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 14 – 22 (1 п. л.).
3. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель как методологическая категория лингвистического и общенаучного дискурса [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2006. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 155 – 162 (1 п. л.).
4. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель в коммуникации [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 1. – С. 12 – 23 (1,4 п. л.).
5. Верхотурова, Т. Л. Грамматическая категоризация наивной картины мира и наблюдатель [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2008. – Вып. 28. – № 37. – С. 9 – 20 (1,3 п. л.).
6. Верхотурова, Т. Л. Статус Наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2009. – №. 1. – С. 167 – 174 (1 п. л.).
7. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель в концепции У. Матураны (опыт лингвистического анализа) [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2009. – № 2. – С. 136 – 141 (0,8 п. л.).

Монографии

8. Верхотурова, Т. Л. . Семантическая неоднозначность конструкций с глаголами способствования [Текст]: коллективная монография / Т. Л. Верхотурова, С. К. Воронова, Л. М. Ковалева и др. / отв. ред. Л. М. Ковалева // Синтаксическая семантика конструкций с предикатными актантами. – Иркутск: Изд-во Иркутской государственной экономической академии, 1998. – С. 101 – 114 (0,8 п. л.).
9. Верхотурова, Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки [Текст]: монография / Т. Л. Верхотурова. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2008. – 289 с. (18,1 п. л.).

Учебные пособия

10. Верхотурова, Т. Л. Английский глагол: Новая грамматика для всех [Текст]: учебное пособие, 2-е испр. изд. [Текст] / А. В. Кравченко, Т. Л. Верхотурова, Л. В. Слуднева и др. / под ред. А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 1999. – 275 с. (3,5 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов, материалы и тезисы конференций

11. Верхотурова, Т. Л. Сдвиги значения глагольных предикатов с позиции когнитивной лингвистики [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Язык в эпоху знаковой культуры: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Иркутск, 1996. – С. 19 – 20 (0,1 п. л.).
12. Верхотурова, Т. Л. Сдвиги глагольного значения и когнитивный фактор (на материале английских глаголов способствования) [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 1997. – С. 70 – 80 (0,6 п. л.).
13. Верхотурова, Т. Л. Фактор наблюдаемости и семантика конструкций с предикатами помощи [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Проблемы вербальной коммуникации и проблемы представления знаний: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 1998. – С. 31 – 32 (0,1 п. л.).
14. Верхотурова, Т. Л. Наблюдаемость как глубинный аспект языкового значения [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Глубинные аспекты языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 1998. – С. 27 – 35 (0,5 п. л.).
15. Верхотурова, Т. Л. Синтаксическая семантика и фактор наблюдаемости [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и Наблюдатель: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 1999. – С. 43 – 53 (0,6 п. л.).
16. Верхотурова, Т. Л. Многозначность, прототип, познание [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: материалы Международной научной конференции. – Иркутск, 2000. – С. 29 – 31 (0,1 п. л.).
17. Верхотурова, Т. Л. Роль прототипа в семантической категоризации [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тезисы докладов и сообщений V международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2000. – С. 23 – 24 (0,1 п. л.).
18. Верхотурова, Т. Л. Когнитивные структуры лексической многозначности [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения 3: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 2000. – С. 33 – 40 (0,4 п. л.).
19. Верхотурова, Т. Л. Когнитивные аспекты метонимии [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2003. – Вып. 4. – № 3. – С. 13 – 20 (0,4 п. л.).
20. Верхотурова, Т. Л. Когнитивный признак наблюдаемости как механизм формирования языкового значения [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Германистика в России. Традиции и перспективы: тезисы научно-методического семинара. – Новосибирск, 2004. – С. 153 – 156 (0,2 п. л.).
21. Верхотурова, Т. Л. Субъект восприятия в глагольной семантике [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ: Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2004. – № 3. – С. 17 – 25 (0,6 п. л.).
22. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель в научной и наивной картине мира [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Филология и культура: материалы V международной на-

- учной конференции 19 – 21 октября 2005 года. – Тамбов, 2005. – С. 482 – 485 (0,2 п. л.).
23. Верхотурова, Т. Л. Исследование категории «наблюдатель» (в контексте концептосферы «человек») [Текст] // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29 – 31 августа 2006 г.). – Кемерово, 2006. – С. 632.– 637 (0,4 п. л.).
 24. Верхотурова, Т. Л. Научная картина мира как объект лингвистического исследования [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2006. – № 8. – С. 10 – 18 (0,5 п. л.).
 25. Верхотурова, Т. Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира [Текст] / Т. Л. Верхотурова // *Studia Linguistica Cognitiva*. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006. – Вып. 1. – С. 45 – 65 (1,2 п. л.).
 26. Верхотурова, Т. Л. Категория Наблюдаемое в ее сопряженности с категорией Наблюдатель [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Антропологическая лингвистика – 3: Вестник ИГЛУ. Сер. Антропологическая лингвистика / под ред. проф. Ю. М. Малиновича. – Иркутск, 2007. – № 4. – С. 19 – 27 (0,6 п. л.).
 27. Верхотурова, Т. Л. Аналитический комплекс «наблюдатель + наблюдаемое» в лексической семантике [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2008. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 33 – 41 (1 п. л.).
 28. Верхотурова, Т. Л. Эволюция метакатегории «наблюдатель» в научной картине мира [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сб. науч. тр.– Иркутск, 2008. – С. 50 – 55 (0,4 п. л.).
 29. Верхотурова, Т. Л. Когнитивная интерпретация дискурса в нарративе [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее: материалы III международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2009. – С. 52 – 58 (0,5 п. л.).